

УДК 81'23

ПОЛЕЗНЫ ЛИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИДЕИ М. ПЛАНКА О ФИЗИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА?

А.А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

В статье даётся анализ идей М. Планка о физической картине мира с позиций их значимости для современного языкознания. Показано, что ключевые положения немецкого физика не соответствуют распространённым в отечественной лингвистике взглядам на языковую картину мира. По мысли М. Планка, из картины мира всё более удаляется антропоморфный компонент, и в этой связи вклад психолингвистики в понимание сущности языка сравнивается автором статьи с вкладом квантовой механики в физике.

Ключевые слова: *М. Планк, психолингвистика, языковая картина мира.*

Немало авторов, исследующих языковую картину мира, ссылаются на работы М. Планка, посвящённые физической картине мира [12: 7; 29: 19; 30: 31; 28: 13], но, к сожалению, чаще всего анализу подвергаются отдельные вырванные из контекста фразы, что может негативно сказываться на интерпретации общих идей. К тому же многие авторы упоминают имя М. Планка, ссылаясь не на первоисточник, а на В.И. Постовалову – одного из авторов книги [28], например: [4: 72; 11: 38; 23: 104].

У выдающегося физика нам известны лишь две статьи (основанные на его докладах), посвящённых напрямую именно проблеме единства физической картины мира, первая из них относится к 1909 г., вторая – к 1929 г. Уже в связи с их «почтенным возрастом» и в связи с тем, что успехи физических наук за последнее столетие поистине головокружительны, возникает вопрос: не потеряли ли высказываемые в них идеи своей актуальности? Второй не менее важный для лингвиста вопрос: могут ли эти идеи о физической картине мира быть переложены без существенных изменений на логику рассуждений о языковой картине мира?

Мы сознательно затрагиваем только отечественные концепции языковой картины мира, так как фигурирующее в зарубежных публикациях понятие *language worldview*, не вполне соответствующее первому и восходящее к неогумбольдтианству, требует отдельного рассмотрения.

В начале статьи «Единство физической картины мира» М. Планк говорит о том, что достоверные ответы на вопрос «Насколько физика приблизилась к систематическому пониманию природы?» помогают понять, чем является физическая картина мира: «Есть ли эта картина только целесообразное, но в сущности произвольное создание нашего ума или же мы вынуждены, напротив, признать, что она отражает реальные, совершенно не зависящие от нас явления природы?» [26: 614]. И эта мысль является основной для обеих его статей. Хотя он не даёт нигде точного определения картине мира, это выражение трактуется как способ отражения объективной действительности в понятиях теории. Говоря о втором начале термодинамики, об энтропии, обратимых и необратимых процессах, он отмечает, что принцип возрастания энтропии вносит в физическую картину мира элемент, чуждый

принципу наименьшего действия, нарушающий единство картины мира, единство того, каким образом явления природы отражаются в понятиях физики [цит. раб.: 622].

Одна из основных тем, вводимая в самом начале статьи, – это тема удаления антропоморфизма из физических понятий и принципов, и именно по этому пути должна идти физика, чтобы достичь единства физической картины мира. «Какой физик вспоминает ещё в настоящее время по поводу электричества о натёртом янтаре или по поводу магнетизма – о малоазиатском месте нахождения первого естественного магнита?» [цит. раб.: 614–615]. Та же участь постигла понятия силы, температуры, цвета и т.д., которые первоначально относились сугубо к области человеческой чувственности, а впоследствии оторвались от неё и находят своё выражение в определениях, наивно лишённых отношения к чувственным ощущениям.

Такое развитие физической теории выглядит парадоксально:

«Развитие всей теоретической физики до настоящего времени совершается под знаком объединения её системы, которое достигается благодаря освобождению от антропоморфных элементов, в частности – от специфических чувственных ощущений. Если, с другой стороны, вспомнить, что, по общепризнанному мнению, ощущения являются исходным пунктом всякого физического исследования, то это отклонение от основных предпосылок может показаться странным, даже парадоксальным. А между тем ни один факт в истории физики не представляется таким несомненным, как этот. Действительно, должны были существовать неопределимые преимущества, ради которых стоило совершить такое принципиальное самоотречение!» [цит. раб.: 615–616].

Эти преимущества – единство физической картины мира.

Далее, сохранение значимости разделения обратимых и необратимых процессов для будущего физики должно идти по пути усиления его независимости от человеческой чувственности, человеческих способностей [цит. раб.: 622]. М. Планк видит причину неудачи математического выражения необратимости процесса перехода тепла от одного тела к другому в том, что постановка вопроса носит слишком антропоморфный характер, она слишком приспособлена к потребностям человека [цит. раб.: 620]. И ниже заключает: «Мы видим, что единственное средство обеспечить за вторым началом принципиальное значение состоит в освобождении понятия необратимости от всякой связи с человеческим умением» [цит. раб.: 623].

В конце статьи с ещё большей силой выражается та же идея с разумной оговоркой насчёт творчества:

«Единственно важным является только признание неизбежной, хотя и не достижимой цели, и эта цель состоит не в полном приспособлении наших мыслей к нашим ощущениям, а в *полном освобождении физической картины мира от индивидуальности творческого ума*. Это и есть более точная формулировка того, что я назвал выше освобождением от антропоморфных элементов. Надеюсь, что таким образом я исключу возможность недоразумения, будто мирозерцание должно быть вообще освобождено от творческого ума: последнее совершенно неосуществимо» [цит. раб.: 632].

Заметим, что в другой его статье, «Двадцать лет работы над физической картиной мира», этот принцип назван характерной для действительного развития науки особенностью:

«...Структура физической картины мира при её прогрессирующем усовершенствовании всё в большей степени удаляется от мира ощущений и приобретает всё более абстрактные формы» [цит. раб.: 588].

И в заключение М. Планк обращает внимание на двоякую цель развития физики – с одной стороны, совершенное овладение миром ощущений, с другой стороны, совершенное познание реального мира [цит. раб.: 589].

Наука, по мысли М. Планка, нацелена на формирование такой картины мира, которая не зависела бы от индивидуальных, конкретных целей учёного (хотя и довольно объективных), а также от «прихотей» частных теорий [цит. раб.: 631].

Немаловажно для нас также суждение физика о том, что учёные не в состоянии установить ясное различие между картиной мира и самим миром, а выражение «картина мира» употребляется из осторожности, но его можно заменить словом «мир», если понимать под этим идеальное мирозерцание. Важно это потому, что из этих слов М. Планка не следует, как мы полагаем, будто он проводил чёткую грань между миром и его картиной как разными сущностями, он придерживался осторожной, умеренно агностической позиции: человек не может сказать, что есть «на самом деле», вне его наблюдений, «по ту сторону» последних.

С разных направлений, аксиоматического, теоретического, эмпирического и т.д., ведётся работа по созданию единой физической картины мира к одной цели – «...с помощью законов связать процессы мира ощущений друг с другом и с процессами реального мира» [цит. раб.: 571].

Обратим внимание на то обстоятельство, что М. Планк не отрывает законы теории от реального мира и одновременно от человеческой чувственности. Единство физической картины мира проявляется в тесной связи объективной действительности, её данности органам чувств, с одной стороны, и её отражения в законах и абстракциях теории, с другой, при этом оно, это единство, не означает гомогенности и доведённого до абсолюта монизма. Примечательно в этом отношении, что в одном месте М. Планк использует выражение «гармоничная картина мира» [цит. раб.: 574]. Таким образом, под картиной мира в данном случае, как можно полагать, понимается совершенно особый способ отражения действительности в научных понятиях, который познаёт действительность, выявляет её объективные свойства и вместе с тем объясняет, почему явления действительности предстают в таком-то определённом виде в нашей чувственности. Разумеется, что это не один отдельный способ, а самый сложный комплекс способов, средств и путей познания действительности человеком (от конкретных экспериментальных техник до теоретического инструментария абстракции и обобщения). Разумеется также, что не сам этот способ познаёт действительность и отражает её в понятиях, категориях, теориях науки, а учёный (или научное сообщество), владеющий данным комплексом, использующий его, получает возможность

познавать и объяснять мир, фиксируя результаты своей деятельности в понятиях, гипотезах, моделях, теориях и т.д.

Уже этих суждений выдающегося физика достаточно, чтобы сделать некоторые выводы для ответа на вопрос: могут ли его идеи быть переложены на рассуждения о языковой картине мира? Отвечая на него, мы сталкиваемся с двумя важными моментами.

Во-первых, в большом количестве лингвистических работ языковая картина мира (далее – ЯКМ) понимается либо как отражённый, зафиксированный в языке опыт народа [6: 9; 10: 187; 21: 12; 27: 5–6], либо как отражённый в языке опыт индивида [16: 42; 24: 11]. В любом случае, это отражённая в языке совокупность знаний [22: 45; 25: 21]. В трудах лингвокультурологической направленности ЯКМ трактуется обычно как отражение «языкового опыта» народа, в трудах когнитологической направленности – как отражение языкового опыта индивида. Определения и комментарии к ним в лингвистических публикациях говорят о том, что ЯКМ – это нечто, содержащееся и выявляемое в языке, то есть *в самом объекте* изучения, познания.

Во-вторых, практически общепринятым моментом для отечественной лингвистики сегодня является положение о «наивности», обыденности ЯКМ и поэтому её противопоставления научной картине мира; см.: [7: 17; 13: 51; 31: 56, 115].

Эти обстоятельства приводят к выводу, что логика рассуждений М. Планка *не может быть применена* к явлению, содержащемуся в понятии *языковая картина мира* в его лингвистической интерпретации. В противном случае следует изменить либо исходные позиции, либо трактовку ЯКМ.

Из идей М. Планка может следовать вывод о том, что физическая картина мира суть то, что физика знает об объекте своего исследования – о мире. Из интерпретаций ЯКМ в лингвистических работах последних лет следует, что она суть способ, которым индивид или этнос выражает в языке знания о мире. И тогда неизбежен вывод, который часто и делается: языковых картин мира столько, сколько говорящих на данном языке индивидов [3: 76; 12: 4; 13: 46]. В таком случае ЯКМ как научное понятие полностью теряет какое бы то ни было содержание за невозможностью обобщения частных, индивидуальных, картин мира, а лингвист по большому счёту лишается возможности познать данный феномен.

Если пытаться понять ЯКМ как научное понятие с поддающимся обобщению и объективному познанию содержанием с позиций идей М. Планка, логично задаться вопросом: не вреден ли в этом отношении для лингвистики излишний антропоцентризм? Ведь научное познание объекта, по М. Планку, должно всё более удаляться от непосредственной его данности в органах чувств, а современные языковедческие концепции, изучающие ЯКМ, растворяют собственный объект в чувственности рядового носителя языка.

Оставим пока в стороне поставленный вопрос, чтобы обратиться к другим суждениям М. Планка, которые, как мы считаем, в высшей степени плодотворны для языкознания, и с их позиций на него ответить.

Интереснейшим моментом в рассуждениях М. Планка является его высказывание относительно сомнений в правильности пути, на котором находится теоретико-физическое исследование.

«Решение этого рокового вопроса зависит только и единственно от того, в достаточной ли мере при беспрестанно продвигающейся вперёд работе над физической картиной мира сохраняется необходимый контакт между физической картиной мира и миром ощущений. Без этого контакта даже самая совершенная по форме картина мира была бы не чем иным, как мыльным пузырьём, который может лопнуть при первом же порыве ветра» [26: 589].

Следовательно, при всём стремлении удалить из понятий физики антропоморфный компонент, физическая теория должна не порывать полностью с чувственностью, а сохранять с ней связь (представляется, что такая связь может быть понята с опорой на понятия *идеальное* и *превращённая форма* [9; 20]). Спокойствие в этом отношении самому М. Планку придаёт связь теории с экспериментом, который, с одной стороны, расшатал старую картину мира, но, с другой стороны, обусловил дальнейшее развитие физической теории. Взаимодействие между экспериментальными и теоретическими исследованиями остаётся надёжной гарантией успешного прогресса физики.

Далее М. Планк говорит о тех «камнях здания» физики, которые не только остались непоколебимы новыми теориями и экспериментами, но даже выиграли в прочности и внешнем виде [26: 575].

Мы считаем очень важным в этой связи выявить и показать те камни здания, которые являются общими для структурализма, функционализма, когнитивизма, психолингвистики, частично психологии и т.д. (короче – системоцентризма и антропоцентризма в понимании языка). По всей видимости, это: язык как система (знаков и опор/ориентиров), связь языка и психических явлений (от младограмматиков до современной психолингвистики), связь языка и социума (социолингвистика и психолингвистическое портретирование лексики)... Каждый второй член приведённых пар объясняет, почему изучаемые явления выглядят именно так с позиций первого, раскрывает их внутренние связи; каждый второй член пар ставит во главу угла онтологию, каждый второй – феноменологию одних и тех же явлений. Думается, этот список должен быть открытым: невозможно знать наверняка, какие «еретические» сегодня идеи завтра окажутся непоколебимыми благодаря эксперименту и научному прогрессу вообще.

Можно далее, следуя за М. Планком, показать те моменты, которые изменились в лингвистике. Представляется, что наиболее ярко изменения проявляются на примере понятия слова.

Традиционно слово является членом гнёзд и рядов [14: 145], оно находится как бы одновременно во всех местах этого «пространства», во всегда чётко определённых «точках» его (род, лицо, залог, время и т.п.). Функциональный поход к языку и функциональная грамматика, в частности, распространяет подобное отношение на функцию слова – отдельная словоформа не имеет чёткой и заранее определённой функции (мы не можем сказать, для чего она используется, на ней нет ярлыка с надписью «функция

такая-то»); функция появляется у слова только в высказывании (в тексте вообще) и только в тесной связи с другими словами; словоформа вполне может участвовать в осуществлении, казалось бы, несвойственной ей функции [2: 151, 197–198]. Одним из важнейших положений отечественной психолингвистики является то, что значение слова не «лежит», не «записано» где-то в мозговом лексиконе, оно записано в виде поиска этого слова; сюда же примыкает важное положение о том, что значение слова есть *и* вещь, *и* процесс, но никак не *только* вещь [17: 178]. Экспериментальные исследования показали среди прочего, что для реакций на некоторый стимул нет необходимости в грамматических показателях [5: 56–57], т.е. «точки» «пространства», в котором находится значение слова, размываются, значение слова не просто не сводится к ним, но они для него не так уж важны, значение локализуется не в точках этого пространства, а в целых областях.

Восприятие и понимание слова (а значит, и пользование им) требует не только его предметной отнесённости и не только системы связанных образов, лежащих за словом, но также и понимания его места и связей с другими элементами семантико-синтаксической системы, с другими словами [19: 152]. Эти последние неизбежно сопутствуют каждому слову, которое вне этой системы попросту не имеет значения. Причём эта система связей носит избирательный характер, отдельные связи являются более или менее сильными в разных условиях, что обусловлено дифференциацией в работе мозга [цит. раб.: 153]. С позиций нейролингвистики, можно считать достоверно установленным фактом то, что значение каждого слова является сложной функциональной системой и зиждется на не менее сложных совместно работающих корковых и подкорковых зонах [1; 19].

Напрашивается аналогия между психолингвистикой и квантовой механикой. Психолингвистический подход к слову предполагает, что значение слова не находится в одной точке ментального пространства (образа мира или сознания), к тому же само это пространство является неинерциальной системой отсчёта: оно изменяется, движется неравномерно и нелинейно (и лишь в теории для строгости «вычислений» предполагается, что его движение равномерно). Психолингвистика вводит нечто наподобие принципа неопределённости: о значении слова можно судить только в ситуации активного использования слова человеком в качестве орудия деятельности, но сама эта ситуация изменяет, пусть даже незначительно, лежащее за словом живое знание. Сам способ наблюдения и «фиксации» значения слова вносит изменения в «систему отсчёта». Вводится и нечто наподобие принципа дополнительности – «двойная жизнь» значений [18: 100–103]: содержание лежащего за словом знания-переживания складывается из общественно выработанного значения и личностно порождённого смысла. Живое знание, лежащее за словом, неразрывно связано с социальными эталонами поведения и познания и с жизнью личности. Смысл выражает укоренённость индивидуального сознания в бытии человека, а значение – подключённость этого сознания к сознанию общественному, к культуре [8: 254]. Соединение объективного и субъективного в лежащем за словом знании, в единице перцептивно-аффективно-когнитивного опыта человека даёт возможность для взаимопонимания между людьми и для пристрастного, деятельного отношения

человека к миру, для диалога с миром. Заметим в скобках, что предлагаемая аналогия, тем не менее, имеет один недостаток: существенно различие между тем, как были приняты в научной среде изменения, которые внесла квантовая механика в физическую картину мира, и изменения, которые внесла психолингвистика в языковую картину мира. В последнем случае вклад в понимание языка сопровождался постоянной борьбой за выживание и необходимостью доказывать право на существование [32: 240] (см. также [5: 482–488]), в результате чего до сих пор ещё некоторые положения психолингвистики вызывают у отдельных лингвистов брезгливую улыбку или, что ещё хуже, преподносятся в искажённом виде.

Слово и его значение – лишь частный пример. То же самое можно констатировать относительно других языковых категорий и лингвистических понятий, например, понятия текста, которого на ранних этапах развития языкознания вообще не было как части объекта изучения (добавим сюда и то, что обывателю чаще всего невдомёк, что он говорит текстами), но теперь это сложнейшая и многообразнейшая категория, одна из центральных в языкознании, которую невозможно втиснуть в строгие и ограниченные рамки. Невозможно для всех случаев однозначно ответить на вопрос «что является текстом, а что им не является?». Вывеска «закррито» на двери магазина – по-видимому, и слово (формально), и текст (функционально), т.е. слово, имеющее текстовую функцию, находящееся в двух «областях языкового пространства» – словесной и текстовой.

Таким образом, *положения лингвистики* (благодаря подходам к языку как достоянию индивида) *всё больше удаляются от антропоморфизма*, становятся всё менее похожими на наше повседневное отношение к миру вещей. Когда мы держим в руках, к примеру, книгу, мы точно знаем, чёрная она или красная (*какая* эта вещь?), вообще книга это, или словарь, или блокнот (*что* это за вещь?), поваренная она или художественная (*зачем* эта вещь? *как* с ней обращаться?), на какой полке она стоит (*где* она находится?) и т.д. Во всех этих знаниях у нас не может возникнуть и тени сомнения, но этого мы совершенно не наблюдаем в языкознании, в том, как в его понятиях и категориях отражаются языковые явления. Ни на один из этих вопросов по поводу основных понятий языкознания однозначного ответа дать невозможно.

Антропоморфизм в данном случае трактуется нами в самом общем смысле – как наделение явлений и объектов человеческими свойствами, человеческим «обликом» [15: 68]. Антропоцентризм же понимается не как крайняя форма антропоморфизма, ставящая человека в центр Вселенной, а как проявление в объекте свойств, обусловленных его предназначённостью для нужд человека и общества [цит. раб.: 69]. В этом смысле приписывание человеческой размерности объектам действительности, любому знанию о природе, обществе и самом познании характерно именно для антропоморфизма, но не для антропоцентризма.

С учётом названных различий между антропоцентризмом и антропоморфизмом ответ на поставленный выше вопрос будет, по-видимому, следующим: *для языкознания вреден не антропоцентризм, а антропоморфизм*. Язык есть не то, что представляет себе рядовой его носитель, не то, что ему дано в непосредственной эмпирии, на поверхности системы – он неизмеримо

сложнее и богаче! И в отдалении языкознания от антропоморфизма повседневности несомненную важность имеют не отдельные высказывания М. Планка, а общий ход его мысли, способы постановки общих, но чётко сформулированных вопросов и опирающиеся как на теорию, так и на эксперимент способы ответить на них.

Список литературы

1. Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека / Под ред. С.В. Медведева. М.: АСТ; СПб.: Сова; Владимир: ВКТ, 2010. 399 с.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
3. Воронцова Т.И. Картина мира в тексте английской баллады: Когнитивная основа и языковая репрезентация: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 398 с.
4. Геляева А.И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2002. 307 с.
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
6. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
7. Замалетдинов Р.Р. Национально-языковая картина татарского мира: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2004. 499 с.
8. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
9. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Эвальд Васильевич Ильенков / Под ред. В.И. Толстых. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 153–214.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
11. Кожанова Н.В. Наименования лиц по профессии в немецкоязычной картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 244 с.
12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
13. Кравцов С.М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»): дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2008. 391 с.
14. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию (Составитель Ф.М. Березин). М.: Наследие, 1998. 296 с.
15. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М.: Рус. яз., 2000. 865 с.
16. Лебедева И.Л. Концепт СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ в картине мира США (на материале периодики и Интернет-ресурсов): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 206 с.
17. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
18. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
19. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. 3-е изд., М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
20. Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.

21. Мазирка И.О. Психолингвистические основы вербальной характеристики личности и языковой картины мира героев художественной литературы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 38 с.
22. Михайленко О.М. Лингвоэтическая картина мира: концепты «Счастье» и «Блаженство» как семантические дуплеты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 167 с.
23. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 329 с.
24. Никитина Л.Б. Образ-концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2006. 41 с.
25. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира: Русско-английские соответствия: дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2001. 497 с.
26. Планк М. Избранные труды. Термодинамика. Теория излучения и квантовая теория. Теория относительности. Статьи и речи. М., Наука. 1975. 788 с.
27. Попова З.Д., Стернин И.А. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание. / Ред. З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 2002. Вып. 32 С. 4–8.
28. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
29. Сапегина И.А. Концепт *сердце* как доминанта эмоциональной картины мира в русском языке в зеркале китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 202 с.
30. Скорнякова Р.М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 530 с.
31. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
32. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

ARE THE IDEAS OF THE PHYSICAL WORLDVIEW BY MAX PLANCK BENEFICIAL FOR THE CONTEMPORARY LINGUISTICS?

A.A. Yakovlev

Siberian federal university, Krasnoyarsk

The paper discusses the ideas of the physical worldview expressed by M. Plank in his two articles from the viewpoint of their actuality for the modern linguistics. The answer to that can be negative, otherwise either the theoretical basis (M. Plank's statements) or the language worldview theories should be changed. According to M. Plank, the anthropomorphic components are eliminated from the worldview by science and at this point psycholinguistics can be likened to the quantum mechanics.

Keywords: *M. Plank, psycholinguistics, language worldview.*

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент института филологии и межкузыковой коммуникации Сибирского федерального университета, e-mail: mr.koloboque@rambler.ru